

МУЗЫКА В ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ И ВЗАИМОСВЯЗЯХ

Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2023. № 3 (70). С. 56–61.

Actual problems of high musical education. 2023. No 3 (70). P. 56–61.

Научная статья

УДК 78.01

DOI: 10.26086/NK.2023.70.3.007

Литературные и музыкальные лики постиронии

Кожевникова Виктория Александровна

Нижегородская государственная консерватория имени М. И. Глинки, Нижний Новгород, Россия

E-mail: dvuu@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7112-8445>

Аннотация. Постирония в контексте современности представляет собой многоликое эстетическое явление. Интерпретация сущности постиронии способна трансформироваться в зависимости от социокультурной принадлежности реципиента, его художественного опыта. Определяющим же свойством феномена является некое промежуточное состояние между искренностью и иронией, причем, в каждом отдельном случае степень выраженности того или иного компонента может быть различной.

Постирония как особая грань комического, предполагающая включение лирического компонента в ироническое высказывание, претерпевает множество трансформаций в художественном и научном сознании. Лишь частично закрепившееся в исследовательском пространстве, это определение уходит корнями в XX век и имеет смысловые параллели с такими литературными феноменами, как «противоирония» и «лирическая сатира». Сложность и многоликость постиронии как эстетического явления подтверждается, в частности, сквозным характером его бытования в литературе и музыке XX века. Хронологически и стилистически далекие явления — поэзия сатириконцев и литературный соц-арт, музыка Дмитрия Шостаковича и Леонида Десятникова, Бориса Гецелева и Сергея Беринского — оказываются близкими в своем художественном воздействии, благодаря специфическому сочетанию иронической отстраненности и лирико-субъективного взгляда автора.

Ключевые слова: постирония, лирическая сатира, сатириконцы, обэриуты, соц-арт, Шостакович, Десятников, Гецелев

Для цитирования: Кожевникова В. А. Литературные и музыкальные лики постиронии // *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*. 2023. № 3 (70). С. 56–61. <http://doi.org/10.26086/NK.2023.70.3.007>.

MUSIC IN ITS ARTISTIC PARALLELS AND RELATIONSHIPS

Original article

Literary and musical facets of post-irony

Kozhevnikova Victoria A.

Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: dvuu@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7112-8445>

Abstract. Post-irony in the context of modernity is a multifaceted aesthetic phenomenon. Interpretation of the essence of post-irony is capable of transformation transformed depending on the sociocultural affiliation of the recipient and his artistic experience. The defining property of the phenomenon is a certain intermediate state between sincerity and irony, and in each individual case the degree of expression of one or another component may be different.

Post-irony, as a special facet of the comic, which involves the inclusion of a lyrical component in an ironic statement, undergoes many transformations in artistic and scientific consciousness. Only partially established in the research space, this definition is rooted in the 20th century and has semantic parallels with such literary phenomena as «counter-irony» and «lyrical satire». The complexity and diversity of post-irony as an aesthetic phenomenon is confirmed, in particular, by the cross-cutting nature of its existence in the literature and music of the 20th century. Chronologically and stylistically distant phenomena — the poetry of satiricists and literary social art, the music of Dmitry Shostakovich and Leonid Desyatnikov, Boris Getselev and Sergei Berinsky — turn out to be close in their artistic impact, thanks to the specific combination of ironic detachment and the lyrical-subjective view of the author.

Keywords: post-irony, lyrical satire, satiricalists, oberiuty, social art, Shostakovich, Desyatnikov, Getslev

For citation: Kozhevnikova Victoria A. Literary and musical facets of post-irony. *Aktualnye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* = *Actual problems of high musical education*. 2023;3(70); 56–61 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2023.70.3.007>.

Постирония в контексте современности представляет собой многоликое эстетическое явление. Значение термина «постирония» адаптивно и способно трансформироваться в зависимости от социокультурной принадлежности реципиента, его художественного опыта. Определяющим же свойством феномена является некое промежуточное состояние между искренностью и иронией, причем в каждом отдельном случае степень выраженности того или иного компонента может быть различной.

Как предмет научного интереса постирония получила особое внимание со стороны зарубежных ученых, прежде всего литературоведов. В российском культурном пространстве (преимущественно в медиасфере) термин нашел распространение в связи с нашумевшим рэп-баттлом между Оксимироном и Славой КПСС (2017). Подчеркнем, однако, что, став новым трендом в молодежной среде, значение слова было воспринято весьма поверхностно и неточно.

Несколько позже, в начале 2020-х годов, к анализу термина обратились отечественные исследователи. Отметим интерес к указанной проблематике со стороны филологов [1], журналистов [2], стремление обозначить закономерности существования постиронии в интернет-пространстве и медиа.

О постиронии как музыковедческом термине впервые заговорила композитор и искусствовед Настасья Хрущева. Итогом ее исследовательских исканий стала книга «Метамодерн в музыке и вокруг нее» [3], где автор сформулировала связь постиронии с принципом осцилляции (*oscillatio* — колебание, качание). По мнению Н. А. Хрущевой, постирония является своего рода реакцией на постмодернистскую иронию и носит более выраженный концептуальный, символический характер. «Постирония — это дважды перевернутое прямое высказывание. Постирония — это высказывание, притворяющееся ироничным, но имеющее в виду и прямой смысл. Постирония — это травестия иронии. Постирония — это ирония над иронией» [3, с. 17].

Частично закрепившееся в современном научном пространстве понятие «постирония»

не возникло само по себе: оно уходит корнями в XX век, имея смысловые параллели с литературным феноменом «противоиронии». Данный термин был предложен филологом Владимиром Муравьевым в 1990 году в предисловии к поэме Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» [4, с. 8].

Объединяющим упомянутые явления фактором служит осциллирующий эффект — характерное колебание между иронией и искренностью: «Противоирония так же работает с иронией, как ирония — с серьезностью, придавая ей иной смысл. Если ирония выворачивает смысл прямого, серьезного слова, то противоирония выворачивает смысл самой иронии, восстанавливая серьезность — но уже без прежней прямоты и однозначности. <...> Противоирония отказывается сразу и от плоского серьеза, и от пошлой иронии, давая новую точку зрения» [5]. На наш взгляд, различие между постиронией и противоиронией состоит в специфических смысловых нюансах. Термин «постирония» фиксирует внимание на хронологической принадлежности явления (пост-ирония — после иронии). «Противоирония» же указывает на иное, в отличие от иронии, *качество* высказывания (против иронии, обратный иронии эффект).

Попробуем обнаружить еще более ранние явления, обладающие семантическими сходствами с интересующим нас феноменом постиронии. Подобного рода прецеденты вновь обнаруживаются в области литературоведения. Имеется в виду понятие «лирической сатиры», закрепившееся в научной мысли в связи с творчеством поэтов-сатирик-онцев еще в начале XX века. Специфическое сочетание лирического и комического поэты «Сатирик-онца» унаследовали от символистов. «Традиционно в сознании символистов лирика и ирония воспринимались как "два способа отношения к миру"» [6]. Неслучайно поэзия сатирик-онцев стала литературной основой для множества музыкальных сочинений композиторов XX века. Тонкое ощущение этой амбивалентности позволяло авторам балансировать между ироническим и лирическим ракурсами высказывания.

Феномен, обозначенный исследователями как «лирическая сатира», нашел непосредственное

выражение в стихотворных опусах Саши Черного — одного из самых известных сатириков. Прежде всего, внимание к этой тенденции поэт отражает в названиях своих дореволюционных книг: «Сатиры» (к слову, последний цикл стихов здесь назван «Лирические сатиры»), «Сатиры и лирика».

Сопоставление далеких, на первый взгляд, образных полюсов обнаруживается и в строках отдельных стихотворений:

Щиплю в раздумье струны **лиры**
и никну скорбно головой.

Ах, дайте тему для **сатиры**

Цензурной, новой и живой! [7]

Здесь проявляется еще одна черта, свойственная лирической сатире и собственно лирике, — речь от первого лица, «открытое включение автора в структуру художественного текста» [8]. Данный литературный прием позволяет продемонстрировать не только объект, но также авторское отношение к нему. Современница поэта Елена Колтоновская так характеризовала эту специфическую двойственность: «Какая странная сатира! Сатира-шарж, почти карикатура, и вместе с тем — элегия, интимнейшая жалоба сердца, словно слова дневника» [9].

Примечательно, что «Сатиры» Саши Черного оказались привлекательными в плане их музыкального воплощения, где открылась возможность подчеркнуть новые, подчас неожиданные оттенки их смысла. Имеется в виду вокальный цикл Дмитрия Шостаковича, в котором композитор намеренно усиливает сатирическое начало, порой доводя его до гротеска. Обратим внимание на музыкальные приемы, используемые автором в цикле. Господство «сатиры» над «лирикой» подчеркнуто здесь гротескным преувеличением деталей, цитированием полублатного «Чирика», примитивными стилизациями классических музыкальных образцов, нарочитым снижением высокого. Вместе с тем номера вроде «Пробуждения весны» могут восприниматься как лирические откровения в контексте целого.

Кроме того, центральный эпизод романа «Потомки» способен интерпретироваться как квинтэссенция философской идеи о «несбыточности любых светлых надежд» [9]. Этот фрагмент не лишен внутренней патетики, что мешает воспринимать номер «Потомки» исключительно как сатиру на «пошляка-эпикурейца»¹. Противоречие между высказанными в стихах «вечными вопросами» и легкомысленным, нарочито простым музыкальным сопровождением создает смысловую

амбивалентность, свойственную в том числе методу лирической сатиры. В связи с этим примечательно следующее замечание композитора: «Считаю столь же необходимым и человечным смех в музыке, как необходимы лирика, трагедия, пафос и другие "высокие жанры"» [11, с. 131].

«Смех в музыке» нашел свое воплощение в опусах Шостаковича и благодаря другим, еще более экстравагантным литературным источникам. Так, образцы абсурдистской поэзии из романа «Бесы» Ф. Достоевского (1872) легли в основу вокального цикла «Четыре стихотворения капитана Лебядкина» (1975). Чувствительные признания поэта-графомана, запечатленные в номере «Любовь капитана Лебядкина», соседствуют здесь с драматичной историей Таракана, поданной в комическом ключе.

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

Совсем иначе этот же сюжет в 1934 году преподносит Николай Олейников — представитель Объединения реального искусства (считается, что именно в поэзии Лебядкина начали формироваться те образы и литературные приемы, которые позже нашли воплощение в стихотворениях обэриутов).

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане
И теперь он казни ждет <...>
Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Обращаясь к поэтике абсурда, Олейников создает собственную версию комического сюжета. История, на первый взгляд граничащая с бессмыслицей, превращается здесь в своеобразный лирический реквием, поэтическое *lamento* по страдальцу-таракану. Прибегая к «вечным» словам и образам (душа, смерть), автор концентрируется на общефилософском ракурсе высказывания. Подходящим в этой связи кажется комментарий Л. Гинзбург по поводу баллады Олейникова «Чревоугодие»: «Всякому настоящему поэту нужны высокие слова, отражающие его томление по истинным ценностям. Как ему добыть новое высокое слово? Он их не придумывает, он берет вечные слова <...> и впускает их в галантерейную словесную гущу» [12].

Совмещение абсурдного сюжета и авторского сопереживания, аллюзия на «творчество» графомана Лебядкина и вместе с тем обращение к вечным философским проблемам вновь способствуют возникновению смысловой амбивалентности. Подобный синтез, безусловно, схож с методом постиронии.

Линия преемственности, связывающая на первый взгляд далекие явления (поэзию сатириконцев, капитана Лебядкина и обэриутов) находит оригинальное претворение в последующие десятилетия XX века. Так, интерес к поэзии обэриутов воплотился в сочинении композитора Леонида Десятникова. Вокальный цикл «Любовь и жизнь поэта» (2005) на стихи Н. Олейникова и Д. Хармса соединил в себе барочные принципы развития, аллюзии на искусство романтиков и постмодернистскую иронию. Музыковед Ольга Манулкина отмечала: «Через все романтические перипетии проходит наш герой: через конфликт с окружающим миром, борьбу с филистимлянами, утрату любви. Только уточнения XX века довольно весомы: жизнь подчиняется новому, по-новому неестественному порядку, а смерть становится явлением массовым, тиражированным и происходит по расписанию; и в гроб, появляющийся, как и у Шумана, к концу цикла, заколачивают — не песни и любовь, а самого героя» [13].

Поэзия сатириконцев и обэриутов по целому ряду приемов и образов рифмуется с находками позднейшего литературного соц-арта. Неслучайно Таракан, ставший главным «героем» вышеприведенных стихотворных опусов, привлек внимание поэта-постмодерниста Дмитрия Пригова. В его трактовке абсурдистский сюжет приобретает, как и у Н. Олейникова, лирический оттенок, но с еще более выраженным экзистенциальным подтекстом. Примечательна здесь и постмодернистская цитатность — аллюзия на лермонтовские строки: «Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой...»

Вот дождь идет, мы с тараканом
Сидим у мокрого окна
И вдаль глядим, где из тумана
Встает желанная страна <...>.

Будучи представителями неофициального, андеграундного направления, художники соц-арта выражали свои умонастроения открыто, но при этом с высокой долей концептуализма. Так, Пригов, по мнению И. Скоропановой, «обнажал несоответствие реальной жизни представлениям, внушаемым о ней пропагандой, разрушал миф о

выдающихся успехах советской литературы и о ее творцах как гордости Отечества» [14]. Ирония в его стихах граничит с субъективно-лирическими переживаниями. Это смысловое противоречие точно описал композитор Сергей Беринский: «Пригов, мне кажется, поэт, который сумел оплакать нашу советскую жизнь в самых смешных, даже глумливых стихах» [15, с. 14].

Коллега Пригова по московскому литературному клубу «Поэзия» — Игорь Иртеньев — в своих стихах обращался к схожим проблемам и приемам. Тонкое осмеяние окружающей действительности сосуществует в его творчестве с ностальгией по утраченному. «Ирония, более чем любой другой литературный прием, есть художественно оформленная неуверенность в себе и окружающем мире. В этом заключены сила и слабость стилистического приема, прививающего иммунитет сразу и от глупости, и от дерзких художественных открытий. <...> Вот и Иртеньев, устав от вопиющей бескрылости своего лирического героя, нет-нет да и воспаряет над родной землей со всеми ее внешними революционными водами» [16].

Стихотворения Д. Пригова и И. Иртеньева воспринимаются как выразительные образцы эстетики соц-арта. Об этом свидетельствуют характерные сюжеты и образы, а также выражение субъективного взгляда на советскую реальность сквозь призму иронического высказывания. Примечательно, что упомянутые качества постмодернистской поэзии нашли художественное воплощение в сочинениях отечественных композиторов. Таковы, например, вокальные циклы Сергея Беринского («Слезы геральдической души» на стихи Д. Пригова) и Бориса Гецелева («Вечерний полет» на стихи И. Иртеньева), которые, впрочем, могут составить отдельный предмет исследования.

Итак, постирония как особая грань комического, предполагающая включение лирического компонента в ироническое высказывание, претерпевала множество трансформаций в художественном и научном сознании. Не углубляясь в проблемы терминологии, отметим, что многоликость этого эстетического явления подтверждается, в частности, сквозным характером его бытования в литературе и музыке XX века. Хронологически и стилистически далекие явления — поэзия сатириконцев и литературный соц-арт, музыка Шостаковича и Десятникова — оказываются близкими в своем художественном воз-

действию, благодаря специфическому сочетанию иронической отстраненности и лирико-субъективного взгляда автора.

Примечание

¹ Именно так его характеризует В. Васина-Гроссман, рассматривая цикл Шостаковича с точки зрения сатиры на разные виды пошлости: «пошляк-эстет», «пошляк-народник» и т. д. [10, с. 237–238].

Список источников

1. Масалов А. Е. Пост-ирония и «мерцание»: к вопросу о некоторых типологических сходениях русского рэпа и актуальных поэтических практик // *Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург; Тверь: [б. и.], 2020. С. 22–31.*
2. Зубков А. А., Лисик Т. В. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // *Общество. Наука. Инновации (НПК-2020): сб. ст. : XX Всерос. науч.-практ. конф., 17.02.2020–26.04.2020: в 2 т. Киров: Вятский государственный университет, 2020. Т. 1. Гуманитарные и социальные науки. Электрон. текстовые дан. С. 247–253. URL: [http://vestnik43.ru/obschestvo-nauka-innovacii-\(npg-2020\)-tom-1](http://vestnik43.ru/obschestvo-nauka-innovacii-(npg-2020)-tom-1) (дата обращения: 01.09.2023).*
3. Хрущева Н. А. *Метамодерн в музыке и вокруг нее.* М.: Рипол-Классик, 2020. 304 с.
4. Муравьев В. С. Предисловие: [О противоиронии] // *Москва – Петушки / Вен. Ерофеев. М.: Интербук, 1990. С. 8–13.*
5. Противоирония // *Проективный философский словарь.* СПб.: Международная кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике Санкт-Петербургского научного центра, 2002. URL: <https://rus-philosophy-dict.slovaronline.com/83-%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 01.09.2023).
6. Брызгалова Е. Н. Творчество сатириков в литературной парадигме серебряного века: дисс. ... д-ра филолог. наук. Тверь, 2005. 429 с.
7. Черный С. *Собрание сочинений в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905–1916 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. 464 с.*

8. Гинзбург Л. Я. *О лирике.* Л.: Советский писатель, 1974. 407 с.
9. Колтоновская Е. А. Новая сатира // *Сибирская жизнь.* 1910. № 5. С. 3–18.
10. Васина-Гроссман В. А. *Мастера советского романса.* М.: Музыка, 1980. 317 с.
11. Брежнева И. В. Камерно-вокальное творчество Д. Д. Шостаковича: дисс. ... канд. искусств. М., 1986. 192 с.
12. Гинзбург Л. Я. *Человек за письменным столом.* Л.: Советский писатель, 1989. 605 с.
13. Манулкина О. Б. Постоянство веселья и грязи (о вокальном цикле Леонида Десятникова «Любовь и жизнь поэта» на стихи Даниила Хармса и Николая Олейникова) // *Бездна.* 1992. С. 139–147.
14. Скоропанова И. С. *Русская постмодернистская литература: учеб. пособие.* 3-е изд., изд., и доп. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.
15. Беринский С. Что завершено, что в работе, что задумано? // *Советская музыка.* 1991. № 1. С. 14–15.
16. Афанасьев С. Игорь Иртеньев — зеркало русской капиталистической революции // *Октябрь.* 1994. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/october/1999/4/igor-irtenev-zerkalo-russkoj-kapit> (дата обращения: 01.09.2023).

References

1. Masalov, A. E. (2020), "Post-irony and "flickering": on the question of some typological similarities of Russian rap and actual poetic practices", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnyh trudov* [Russian Rock Poetry: text and context: collection of scientific papers], Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Tver, Russia, pp. 22–31.
2. Zubkov, A. A. and Lisik, T. V. (2020), "Postironia as a modern phenomenon in the domestic Internet space", *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2020)* [Society. The science. Innovations (NPK-2020)], t. 1 *Gumanitarnye i socialnye nauki* [vol.1. Humanities and Social Sciences], Vyatka State University, Kirov, Russia, pp. 247–253, available at: [http://vestnik43.ru/obschestvo-nauka-innovacii-\(npg-2020\)-tom-1](http://vestnik43.ru/obschestvo-nauka-innovacii-(npg-2020)-tom-1) (Accessed 01 September 2023).
3. Khrushcheva, N. A. (2020), *Metamodern v muzyke i vokrug nee* [Metamodern in and around music], Ripoll-Classic, Moscow, Russia.
4. Muravyev, V. C. (1990), "Preface: [On anti-irony]", Erofeev, V. (author), *Moskva – Petushki*.

- ki* [Moscow – Petushki], Interbook, Moscow, USSR, pp. 8–13.
5. Rus-philosophy-dict.slovaronline (2002), "Anti-irony", *Proektivnyj filosofskij slovar* [A projective philosophical dictionary], International Department (UNESCO) on Philosophy and Ethics of the Saint Petersburg Scientific Center, Saint Petersburg, Russia, available at: <https://rus-philosophy-dict.slovaronline.com/83-%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (Accessed 01 September 2023).
6. Bryzgalova, E. N. (2005), "The work of the Satirikonians in the literary paradigm of the Silver Age", D. Sc. dissertation, philology, Tver State University, Tver, Russia.
7. Cherny, S. (1996), *Sobranie sochinenij v 5 t.* [Collected works in 5 vols], *T. 1: Satiry i lirika. Stihotvoreniya. 1905–1916* [vol. 1: Satires and lyrics. Poems. 1905–1916], Ivanova, A. S. (ed.), Ellis Lak, Moscow, Russia.
8. Ginzburg, L. Ya. (1974), *O lirike* [About lyrics], Sovetskij pisatel, Leningrad, USSR.
9. Koltonovskaya, E. A. (1910), "New satire", *Sibirskaya zhizn* [Siberian Life], no. 5, pp. 3–18.
10. Vasina-Grossman, V. A. (1980), [Masters of Soviet romance], Muzyka, Moscow, USSR.
11. Brezhnev, I. V. (1986), "Chamber-vocal creativity of D. D. Shostakovich", Ph.D. dissertation, musical art, Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Moscow, USSR.
12. Ginzburg, L. Ya. (1989), *Chelovek za pismennym stolom* [The man at the desk], Sovetskij pisatel, Leningrad, USSR.
13. Manulkina, O. B. (1992), "The constancy of fun and dirt (about Leonid Desyatnikov's vocal cycle "Love and the Life of a Poet" based on poems by Daniil Kharmis and Nikolai Oleynikov)", *Bezдна* [Abyss], pp. 139–147.
14. Skoropanova, I. S. (2001), *Russkaya postmodernistskaya literatura* [Russian postmodern literature], Flint, Nauka, Moscow, Russia.
15. Berinsky, S. (1991), "What is completed, what is in the work, what is planned?", *Sovetskaya muzyka* [Soviet music], no. 1, pp. 14–15.
16. Afanasyev, S. (1994), "Igor Irtenev — Mirror of the Russian Capitalist Revolution", *Oktyabr* [October], no. 4, available at: <https://magazines.gorky.media/october/1999/4/igor-irtenev-zerkalo-russkoj-kapit> (Accessed 01 September 2023).

Информация об авторах

В. А. Кожевникова — студентка композиторско-музыковедческого факультета

Information about the authors

V. A. Kozhevnikova — Student of the Faculty of Composition and Musicology

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 25.09.2023. The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.